

ЭТА ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ...

БЕЛОРУССКИЙ прозаик Василь Быков хорошо известен читателю. Его произведения печатаются в журналах, выходят отдельными изданиями. В первом номере журнала «Новый мир» за 1972 год опубликована его новая повесть «Обелиск». Его повести «Третья ракета» и «Альпийская баллада» легли в основу одноименных фильмов. И каждое произведение — о суровых годах Отечественной войны, о трудных, героических, порой трагических судьбах людей.

— Многие читатели видят в литературном произведении жизненную биографию автора. Насколько, Василь Владимирович, автобиографичны ваши произведения?

— Я не хочу разочаровывать читателя, но нельзя прямолинейно отождествлять биографию писателя с его художественными произведениями. Все обстоит значительно сложнее. Действительность, реальность в писательском титле вступает в причудливый сплав с фантазией, воображением, уровнем достоверности которого, как, впрочем, и художественности, зависит от мастерства. Не вдаваясь в профессиональные тонкости, скажу лишь, что действительно личный опыт, личное мировосприятие, гражданская позиция, мировоззрение и, наконец, биография автора имеют первостепенное значение для творчества. Именно они, разумеется вместе с талантом, определяют успех или неуспех произведения. Во всяком случае мой фронтовой опыт сослужил мне, как писателю, неоценимую службу...

Война застала меня семнадцатилетним паренком в Сумской области, куда я приехал из Белоруссии. В Витебске я оставил художественное училище, решив поступить в индустриальный институт. Я приехал в Шостку в субботу, а в воскресенье уже было 22 июня... Вначале — инженерный батальон, почти круглосуточная работа по сооружению укреплений, отступление, потом военное училище. Там я получил звание младшего лейтенанта и специальность командира взвода противотанковых орудий.

Кончил войну в Австрии. На удивление, всего лишь дважды ранен. Но зато один раз... похоронен в братской могиле под Кировоградом. Все, как положено: на памятник фамилия, матери вручили официальную похоронную. А я был просто ранен...

Естественно, многое из пережитого и пережитого легло в основу моих повестей. Наиболее «автобиографична» «Третья ракета». События, описанные в ней, происходили в моем взводе в течение нескольких дней. Я же «спрессовал» их в одни сутки. У героев повести есть реальные прототипы. Например, командир орудия Желтых почти целиком «списан» с командира орудия моего взвода Лукьянченко. Кривенюк «пришел» в повесть из моего стрелкового взвода. Не однажды встречал я на фронте Люсю и Лозняка.

События, происшедшие зимой 1944—45 годов в Венгрии возле озера Балатон, послужили материалом для «Фронтальной странички»...

Совсем иное дело партизанские повести. В партизанскую стихию я окупился уже после войны. Многочисленные встречи с бывшими лесными солдатами, рассказы-исповеди, архивы... Меня буквально потрясло то, что я открыл для себя. Сколько героизма и мужества, причем героизма массового, всенародного! Я убедился, что партизанская тема открывает перед писателем огромные возможности.

Я долго не решался прикоснуться к ней, считая себя не в праве это делать, но затем почувствовал, что просто не могу не писать о партизанах...

— Василь Владимирович, я вспоминаю ваш творческий вечер в клубе Союза писателей. Рядом со мной сидел большой почитатель вашего таланта, молодой инженер-конструктор Минского тракторного завода. Ему очень нравится то, что вы пишете. Однако он считает, что вы иногда излишне драматизируете события. Что бы вы ответили ему?

— Что касается Отечественной войны, на мой взгляд, не может быть «излишней» драматизации. Никакая фантазия, никакое воображение не могут нарисовать того, что происходило иной раз на фронте.

Мы воевали за честь Родины, за свою свободу, независимость, жизнь. Нас заставляли воевать. Мы вынуждены были отдать 20 миллионов жизней за свою свободу. В моей родной Белоруссии погиб каждый четвертый человек — четверть всей нации! Это не просто ариф-

метика. Это трагедия народа. Нужны шекспировские краски и страсти, шекспировский галантизм и драматизм, чтобы хоть приблизительно воспроизвести для ныне живущих то, что происходило в 1941—1945 годах.

Жестокая память обязывает нас, бывших солдат, быть правдивыми и честными до конца. Она обязывает нас рассказывать сегодняшнему поколению суровую правду о священной войне. Это наш гражданский и писательский долг перед мертвыми и живыми.

Зачем рассказывать?.. Чтобы воспитать стойких и мужественных защитников Отечества, которые не дрогнут перед любым противником, перед любыми опасностями, которые скорее умрут, чем отступят. Таким я вижу сегодняшнее молодое поколение.

— Я вспоминаю одну рецензию, в которой автор искренне спрашивал: почему в произведениях Быкова есть трусы и предатели? Стоит ли привлекать читательское внимание и к редким выродкам?

— О героях и героизме писали и всегда будут писать. И я тоже. Это естественно. Героическая тема — тема благородная и неисчерпаемая. Мы с вами хорошо понимаем, почему не дрогнули молодоговардейцы, Зоя Космодемьянская и Юрий Смирнов, почему бросил на врага свой горящий самолет Николай Гастелло, а Александр Матросов закрыл грудью амбразуру. Их подвиг велик и прекрасен. Его повторили тысячи, если потребуется, повторят миллионы. Этому способствовали и способствуют литература и искусство.

Но в жизни были и предатели. Скажут, а зачем понимать подонка? Кому это нужно? Нет, нужно! Сто, тысяча человек, не раздумывая, не колеблясь, пошли на смерть за Родину, а тысяча первый струсил, а затем предал. Почему? Что его заставило это сделать? Можно, конечно, ответить и очень просто, как мы иногда отвечаем: страх за свою жизнь, злоба, низость и т. д. Литература — человековедение, она должна нам расшифровать психологически и нравственно все мотивы его действий, поставить его к позорному столбу перед всем народом. У нас не должно быть трусов и предателей. Они, так сказать, противопоказаны самой сути нашего общественного строя. Вот почему на страницах моих повестей и расстреливаются люди вроде Авсева, Блищинского, Рыбака и Лешки.

— И еще один вопрос. С какими проблемами, с какими героями встретится читатель в ваших новых произведениях, которых, надеюсь, не долго ждать?

— Война, человек на войне, героизм и самопожертвование, верность долгу, воинской присяге... Начата новая фронтовая повесть. Видимо, я бы уже закончил ее, если бы не изменил однажды избранному жанру — прозе. Режиссер и актер Олег Ефремов уговорил меня попробовать свои силы в жанре театральной драматургии. Сегодня мне еще трудно сказать, что получится из этого опыта. Понятно, я хочу, чтобы получилось. Готов первый вариант пьесы на военном материале. Театр очень заинтересовал меня и своим огромным арсеналом изобразительных средств, стремлением к наглядной правде мыслей и чувств. Возможно, что мой первый драматургический опыт не станет последним. Потом закончу повесть и для «Известий» напишу небольшой лирический рассказ, тему которого я определил для себя как своеобразное эхо войны. Ну а дальше... Поживем — увидим.

Н. МАТУКОВСКИЙ.

МИНСК.